

#ТЕАТРКИНОДОК

ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ НЕ ЗНАЕТ ГРАНИЦ

ВТОРОЙ ДЕНЬ ПОКАЗОВ. ОПЫТЫ ТЕАТРАЛЬНЫХ РЕЖИССЁРОВ

30 сентября участники лаборатории «ВЕШАЛКА #ТЕАТРКИНОДОК» продолжили представлять зрителям свои работы. Если накануне свои эскизы показывали девушки — кинодокументалисты, то программу второго дня показов составили работы двух театральных режиссёров — Андрия Дарялы и Романа Феодори. В основе их документальных спектаклей тоже был вербатим, но театральный опыт режиссёров ощущался сразу.

МАСКИ ТОЛЕРАНТНОСТИ

«БАШНЯ»

Эскиз спектакля Андрия Дарялы

Первым эскиз спектакля «Башня» представил Андриус Даряла. На сцене по очереди появлялись люди. Произносятся заявочные фразы, они облачались в походно-защитную форму и уходили за маскировочную сетку. Через несколько минут становилось ясно, что все они — имеют разные национальные корни и живут в Сибири. И все они собрались на игру в пейнтбол. Задача играющих — захватить башню противника. «Правило №1 — никогда не снимать защитные маски!», — поясняет инструктор. Эта фраза звучит в спектакле неоднократно, проявляя режиссёрскую метафору. Маска здесь, как защитная оболочка правил мирного сосуществования в отношениях между представителями разных народов. Даже у людей образованных, интеллигентных и вполне толерантных в какие-то моменты прорываются обиды и комплексы, связанные с историей, или недавними политическими событиями. Мир и дружба — верхний слой отношений. А в глубине — заста-

релье стереотипы. Эти люди никогда до конца не поймут друг друга, как строители вавилонской башни из библейской легенды.

Зритель: Меня на протяжении всех монологов не покидало ощущение такого русского интеллигентского мышления, то есть на словах всё вроде красиво — все за мир, дружбу и равенство, а копнуть поглубже — и те же самые звериные инстинкты, которые ничем от толпы не отличаются.

Андриус Даряла: Когда начинаешь копать, сколько конфликтов заложено внутри всех нас... Мы долго спорили на репетиции, включив диктофон. У нас такие монологи выдавались по ходу! Там отдельный спектакль. Это не вошло. Я думаю о том, что мы всё равно не изменим прошлое. Вектор времени только вперёд смотрит. Поэтому, либо мы решим, как мы будем вместе строить наше будущее, либо мы, наверное, поубиваем друг друга. У каждого есть какие-то претензии, каждый за что-то цепляется, — грузины, армяне, азербайджанцы... Когда мы начинали репети-

ровать, я разговор завёл про миф о Вавилонской башне. Я просил священника разъяснить... что это такое? Почему это такой вид наказания, когда люди перестают понимать друг друга?

Олег Лоевский: Две стороны каждого чело века, цивилизационная сторона и сторона природная, они есть. Но это не значит, что что-то из этого — доминанта. Всё-таки, мы живём в обществе и оно сообщает нам некие цивилизационные коды, которыми мы себя корректируем. Вы не будете открыто кого-то презирать по национальному признаку. Задача государства, задача всех нас вот эту цивилизационную плёнку, которая довольно тонкая, держать. Мы из истории 20 века прекрасно понимаем, как она быстро меняется и исчезает... Всё это быстро слетает — только дай разрешение человеку, право на убийство. Поэтому каждому надо держать. Нет других вариантов.

Кристина Матвиенко: А меня как раз удивляло, что все герои являются представителями каких-то культурных страт общества. У них правильная речь, они все подкованы в историческом смысле, они все софисты немного. Любопытно, что это является, с одной стороны, интересным материалом на тему, а с другой, доверие всё время колеблется от чего-то крайне убедительного до... Вот грузинская женщина там была. Доверие к ней очень сокращается к концу её патетичного монолога. То есть ты понимаешь, что она кроме своей позиции ничего не видит. Любопытно именно, что эта проблема — расстояние между хтонью и культурной «санитарной» нормой, которая тебя сдерживает, — она решена здесь ещё на чисто формальном уровне, драматургическом. Так получилось, что культурная речь, безликая как бы, она и маркирует эту культуру, которая может слететь в одну минуту.

Олег Лоевский: Раз они говорят, значит, они прячутся. Речь, текст — это часть маски. Но есть «проговоры». И прелесть любого контакта с человеком — это его «проговоры». Мы всё равно все в масках, хоть тресни. Всё равно мы все корректируемся. Но прелесть «вербатима» как такового — это то, что в документальном кино называют «шорох листьев». Когда ты смотришь документальный кадр, и там какая-то жизнь происходит. И вот этот шорох листьев, он всё равно здесь есть. И он может быть важнее, чем все цивилизационные коды.

ШУМ ВРЕМЕНИ

ЭСКИЗ «ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ НЕ ЗНАЕТ ГРАНИЦ»

режиссёр – Роман Феодори

Завершил театральную часть лаборатории «Вешалка#ТЕАТРКИНОДОК» внеплановый показ. Главный режиссёр Красноярского ТЮЗа Роман Феодори ради того, чтобы включить в работу лаборатории всю труппу театра, а не только тех артистов, которых заняли в своих постановках приглашённые режиссёры, поставил эскиз «Любовь к родине не знает границ». В основе спектакля ответы наших современников на два десятка вопросов так, или иначе раскрывающих отношения человека с родиной и его представление о ней. В эскизе было занято рекордное для лабораторных спектаклей количество артистов, которые разместились на сцене, как симфонический оркестр. И зазвучали разные мысли разных людей: «Разнорабочий, 21 год», «работник культуры, 38 лет», «заслуженный учитель РФ, 68 лет». В поток голосов временами вклинивались сатирические сказки-притчи. Театральная социология вскрыла и страшное, и смешное, была окрашена то иронией, то агрессией, то лирикой, то сарказмом.

Анна Банасюкевич: Мне почему-то казалось, что в этом эскизе «живые» тексты звучали, когда люди выходили на середину. Когда люди говорили с мест, мне казалось, что это тексты письменные. Возможно, показалось, потому что там очень мелкая нарезка и я не успевала понять больше про каждого человека... Мне иногда казалось, что есть ощущение школьного сочинения на тему Родины, как будто взрослые люди сели за парты и написали.

Олег Лоевский: Дело в том, что система вопросника любого сразу жёстко закрепощает форму. А в диалоге, когда ты разгова-

риваешь с человеком, он начинает увлекаться собственной речью, сам себе противоречит, то есть, начинается какая-то жизнь. Мне кажется, что как раз найдя эту форму такого многоголосия хаотического, где не важен характер, а важно высказывание даже закрепощённое, всё равно чувствуешь за ним какую-то жизнь, понимаешь, где человек врёт, или об этом в первый раз задумался, – всё равно это передаёт какой-то шум эпохи, шум времени. Иронические сказки-басни призваны были здесь оттенить прямую речь. Как всякое иносказание шутивное, оно рассчитано на такой «капустный ход». Краска-то одна – это люди, которые подчинили себя телевизору и их путь – по тем штампам, которые все мы знаем. В

силу вопросника здесь заложена репризность, а репризность предполагает эстрадность. Эстрадность как жанр здесь, по моему, очень совпадает с вопросником. Мне кажется, очень грамотно по структуре.

Зритель, который накануне был не доволен: Я вчера был. И был просто в шоке. Но вот что-то привело сегодня. (аплодисменты и смех в зале) Я реально доволен. Всё правильно. (снова смех) Качественное, грамотное выступление. Из трёх вариантов-какой можно в народ пускать? Вот это вот – смело в общественность.

Евгения Тропп: Это показ, который абсолютно сделан мастеровито, действительно лихо, с массой переключений, хотя на мой вкус многовато «стёба» по первому впечатлению.

Кристина Матвиенко: То, что этот показ стоит в окружении ещё трёх эскизов – очень важная вещь. Если бы была только эта, то всё богатство материала и подходов, о которых мы говорим, оно было бы утеряно. Потому что здесь, всё-таки, очень много было «стёбных» вещей и было много общих мест, которые являются результатом этого опроса. Они разные по качеству. Например, был этот замечательный парень, которому опросник не помешал быть персонажем совершенно феерическим. И это было очень интересно, как люди справляются с опросником, как они отвечают на вопросы. Но вот, общая режиссёрская интонация, она, мне кажется, совпадает с тоном сказки. Речь в данном случае идёт о том, как режиссёр-автор относится к тем главным страшным общим местам, которые у людей постоянно в речи, в языке, к тому хаосу, который в голове их присутствует. И получается, что это работа не с истинным знанием о чём-то, а с общими местами, с клише, которые существуют в общественном сознании.

ПОЛИНА БОРОДИНА: «АНТИЖУРНАЛИСТИКА В ПРЕКРАСНОМ СМЫСЛЕ СЛОВА»

Молодой, но уже довольно известный и успешный драматург из Екатеринбурга Полина Бородина — гость лаборатории «ВЕШАЛКА #ТЕАТРИНОДОК». Она много работала с вербатимом и написала несколько пьес именно на документальном материале. Например, её «Болотное дело» идёт в Москве, в Театр.ДОС. О вербатиме мы и поговорили.

Я влюбилась в этот жанр два года назад. До этого писала просто оригинальные пьесы, училась у Николая Коляды. А потом случилась лаборатория, которую организовывал Олег Семенович Лоевский. Меня позвали в группу драматургов. Я знала что такое «дословно», оно уже тогда стало модным и одновременно ругательным даже. Много спектаклей начало появляться в этом жанре. И вот, мы просто приехали в чистое поле, и интересно было попробовать себя. Олег Семенович был идеологом. А еще был Александр Родионов из Школы Разбежкиной. Он вводил в тему и был человеком-проводником. Он начал рассказывать вещи про театр, и мы стали брать интервью. Это было мое первое знакомство с вербатимом. И я поняла, что слушать мне интересно.

— Что ещё вас привлекло в этом направлении?

Когда я поехала на первую свою лабораторию, я работала продюсером и редактором на телевидении. Это была сфера, которой я зарабатывала на жизнь. Я придумывала форматы встреч людей, то есть форматы интервью, какие это будут персонажи, и я бесконечно придумывала разные вопросы. Количество работы нере-

альное. Потом тебя зовут на документальный спектакль, и ты как-то наивно думаешь — ты же уже придумывал вопросы, и слово такое «интервью», оно используется и в журналистике и здесь. А потом ты приезжаешь и понимаешь, что это антижурналистика в самом прекрасном смысле слова. И то, отчего ты устал в телевизоре, — специально ожидаемые ответы, когда журналист задает ответ, чтобы показать лицо, себя, а не с целью получить — настоящий ответ, может быть, неожиданный, увидеть отношение говорящего или заострить внимание... Это всё очень редко учитывается в журналистике. А тут — какая-то невероятная жизнь.

Когда задаешь совершенно дурацкие вопросы: сколько времени, или когда вы плакали последний раз, или как дойти до этого перекрестка, — ты вдруг на эти вопросы получаешь невероятные ответы, из которых рождается текст, или целая тема.

А второй момент — разговорный язык, мелодика языка обычного человека — это нереальный ресурс. Я знаю многих людей, которые после таких лабораторий что-то припрятали для своих пьес.

— Есть ощущение, что верbatim в качестве доноров часто использует асоциальных, неустроенных людей. Это установка вербатима, или просто такие люди — более интересные персонажи?

С одной стороны, это иллюзия. Нам кажется, что верbatim обращается к маргиналам, бомжам, проституткам и пьяницам просто потому, что мы редко обращаемся к ним в обычной жизни. Они присутствуют в среде персонажей в том числе. Но естественное внимание попадает на них, и нам кажется, что это то, что преследует верbatim. На

самом деле нет, он берет всю гамму и не фильтрует персонажей. Это не как в телевизоре: лучше бы позвать кого-нибудь, кто нам гладко и ровно всё рассказал бы. Тут наоборот, интересны все эти грани, любые социальные слои.

— А среднестатистический человек неинтересен?

Приведу пример, как делают популярный сегодня верbatim места. Команда из драматурга и режиссера приезжает в другой город и пытается понять, что отличает людей этого города от других. Чтобы понять явление со всех сторон, чтобы почувствовать это, им нужны люди разных возрастов и т.д. Это первая часть ответа. А вторая часть ответа — да, действительно есть разница — дает тебе интервью безумно простой человек, или человек, за которым стоит ответственность, или образ самого себя. Если вы будете общаться с каким-нибудь чиновником, или человеком, который представляет какую-то институцию, или у него есть какая-то аудитория и он выстроил свой собственный имидж, то конечно, — это маска. Какие-то искренние ответы, процесс появления мысли, этих интересных моментов будет гораздо меньше. У человека уже есть сконструированные ответы на все вопросы, он простроил себя. Первое, что он будет говорить — это модель самого себя. Но на самом деле, и эти люди могут быть интересными. С точки зрения того, чтобы пробыть в самом интервью — вот в показе Аллы Максимовой было много интервью, в которых было очевидно, что возникло большое доверие между собеседниками и интервьюером. И вот это доверие — залог того, что ты потом получишь какое-то сокровище, хорошую историю.

— Тема родины, вынесенная в название лаборатории, многогранная, сложная, неоднозначная, эмоциональная. Как вы относитесь лично к тематике?

Мне это очень интересно, может быть, это актуальная во все времена тема. Автор эскиза Лидия Шейнина говорила, что очень часто, когда она задавала вопросы про родину, персонажи говорили: что? Это неинтересно, это какая-то абстрактная ерунда. При этом потом, из того, что они в итоге рассказывали, можно понять, что они сами себя обманывали в своей первой реакции. Когда они начали здесь и сейчас рефлексировать на эту тему — выяснилось, что там и эмоции, и истории. Я не могу себе представить портрет человека, для которого это ни разу не тема для рефлексии. Это те вещи, про которые мы думаем, которые вокруг нас, которые нас формируют. Кто-то ищет общие национальные темы, кто-то духовные скрепы — с разных сторон все пытаются разобраться. Это очевидная ценность. С другой стороны, есть плакатность представлений о родине и разрыв этого с тем, как мы переживаем, как мы его из абстрактного переносим в конкретное. Интересно, что вчера в двух эскизах герои говорили про запахи. Такие ощущения жизни — запах родины.

СТЕРЕОСКОПИЧЕСКАЯ КАРТИНА РОДИНЫ

Об итогах V Лаборатории актуальной драматургии и режиссуры «ВЕШАЛКА #ТЕАТРИНОДОК»

Кристина Матвиенко: Чудесно, что в этих двух днях, в четырёх показах по-разному люди зашли в это поле, что так вчера интересно работали артисты у Максимовой, так сегодня у Даряло было со структурой придумано, был интересный текст у Лиды. Четыре очень разные вещи. И нельзя показать только одну в ответ на вопрос о родине.

Евгения Тропп: Именно в объёме этих четырёх показов мы можем увидеть разность подходов и в какой-то степени стереоскопическую картину, что ли. Каждый из показов чем-то уникален, чем-то изумителен. И, когда думаешь про эти два дня, понимаешь, насколько всё это по-разному, сложно и неоднозначно. Понимаешь, насколько с точки зрения формы и театра по-разному подошли кинодокументалисты и режиссёры театральные, насколько сегодня была видна художественная рамка того материала, который пришёл в театр. И то и другое — интервью. Но насколько по-разному с

ними работали с этим материалом и актёры и постановщики. Вчера мы больше подключались к личностям, были такие «крупные планы» этих людей. Сложно с ними было входит в контакт, но этот контакт был тесным и интимным. Сегодня — история другая. Предыдущий показ (эскиз Андрюса Дарялы) был более метафорический, а здесь (эскиз Романа Феодори) почти не было этих «крупных планов», но была масса опрошенных. И это даёт другой масштаб.

Олег Лоевский: Все люди — разные. Кому что нравится. В этом и состоит прелесть лаборатории, когда мы видим разные подходы к одной и той же теме, разные вариации. Мне-то кажется, что важно, что все ребята, которые это делали, подошли к вопросу серьёзно. Тут нет ни желания спекуляции, ни желания бесконечного шутейства, или «фиги в кармане». Люди переживают эту тему, как могут. И вот это общее переживание четырёх показов в системе, мне кажется, оно честное и искреннее без попыток всем понравиться, встать на цыпочки, или присесть. Взрослая попытка в разных стилях и жанрах, с разными людьми поразмышлять на серьёзную и даже опасную

тему. Не так просто всё и с родиной, и с нами, и с нашей историей. Мне кажется, что что-то серьёзное произошло за эти два дня.

МНЕНИЕ ЗРИТЕЛЕЙ, ВЫРАЗИВШЕЕСЯ В ГОЛОСОВАНИИ:

Лидия Шейнина «Полифония»
Забывать, как страшный сон — 11
Принять с изменениями — 39
Рекомендовано к постановке — 24

Алла Максимова «А еще мы строим гараж»:
Забывать, как страшный сон — 5
Принять с изменениями — 17
Рекомендовано к постановке — 35

Андрюс Даряла «Вавилон»
Забывать, как страшный сон — 2
Принять с изменениями — 16
Рекомендовано к постановке — 21

Роман Феодори «Любовь к родине не знает границ»
Забывать, как страшный сон — 6
Принять с изменениями — 14
Рекомендовано к постановке — 22